

Мавринский Илья Игоревич

кандидат философских наук,
старший преподаватель кафедры онтологии
и теории познания
Санкт-Петербургского государственного университета

Шутова Татьяна Николаевна

аспирант кафедры философии
Санкт-Петербургского государственного
экономического университета

СПОСОБЫ ВНЕСЕНИЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ: СМЫСЛ И ДАННОСТЬ

Аннотация:

Статья посвящена способам внесения определенности в поле предметов. Целью статьи является рассмотрение и сопоставление смыслового способа внесения определенности и способа внесения собственной определенности, а также изучение их связи с субъектом и субъективностью. Стратегии внесения смысловой определенности и собственной определенности мыслятся как ограничивающие и дополняющие друг друга, что и позволяет осуществлять выбор между ними.

Ключевые слова:

достоверность, дифференциация, предмет, субъективность, смысл, данность, бытие, сущность.

Mavrinsky Ilya Igorevich

PhD in Philosophy, Senior Lecturer,
Ontology and Epistemology Department,
Saint-Petersburg State University

Shutova Tatyana Nikolayevna

PhD student,
Philosophy Department,
Saint-Petersburg State University of Economics

THE MODES OF DEFINITENESS INTRODUCTION: MEANING AND ENTITY

Summary:

The article deals with the modes of definiteness introduction in the field of objects. The authors consider and compare the semantic mode of definiteness introduction and the mode of intrinsic definiteness introduction, as well as their connection with the subject and subjectivity. The strategies of introduction of semantic definiteness and intrinsic definiteness are discussed as restrictive and complementary to each other, which allows choosing between them.

Keywords:

certainty, differentiation, object, subjectivity, meaning, entity, being, essence.

Начиная с открытия бытия в Элейской школе и последующей досократической традиции можно различить первичную дифференциацию предметности, связанную с проблематическим горизонтом самой достоверности, и вторичную дифференциацию предметности, связанную с процедурами получения конкретных событий, вещей, процессов. Целью нашего исследования является именно вторичная дифференциация предметности, в рамках которой различаются и рассматриваются ограничения смыслового способа внесения определенности, восходящего к Платону, и способа внесения собственной определенности, восходящего к Аристотелю.

Фиксация процедурного момента получения предметности, с одной стороны, выводит на первый план фигуру того, кто осуществляет работу с предметностью, с другой же стороны, ведет к ускользанию, забвению самой предметности, поскольку в центре внимания оказываются сами процедуры, их уточнение, разработка и т. д. Предметность, напротив, рискует быть понята как «гарантированная» и в своем получении, и в своей определенности, и, разумеется, в своем наличии. Таким образом, во вторичной дифференциации предметности способ получения предметности связывается с фигурой того, кто получает эту предметность. Так, чтобы определить софиста, Платону оказывается необходимой диалектика бытия и небытия, затем доказательство того, что возможна ложь в речах, и только затем представляется возможным дать определение софиста [1]. Софист оказывается фигурой, которая так-то и так-то имеет дело с предметностью. В свою очередь М. Хайдеггер указывает, что кантовский вопрос «Что есть человек?» вбирает в себя и, если угодно, является основанием трех других кантовских вопросов [2]: «Что я могу знать?», «Что я должен делать?», «На что я смею надеяться?» [3]. Иными словами, вторичная дифференциация предметности не просто автономизирует в соответствии с предельным основанием предметное поле, но и выводит на первый план человека как фигуру, в первую очередь поставленную под вопрос. Получаемая предметность в таком случае сказывается в первую очередь не на предметном поле и даже не на достоверности, но на самом человеке. «Все существенное пребывает. Но разве пребывание – это просто продолжающееся существование? <...> И если мы снова, еще глубже, чем раньше, задумаемся о том, что, собственно, пребывает и, может быть, одно только и пребывает, то с полным основанием скажем: *только осуществляющееся пребывает. Изначально и ранее*

всего пребывающее – это осуществляющее» [4, с. 235–236]. Таким образом, порядок, обнаруживаемый в дифференцируемом предметном поле, оказывается предзаданным и фундированным тем или иным порядком субъективности, способом сборки субъективности.

Предзаданный порядок того, что образуется в результате дифференциации предметности, выводит на первый план вопрос о том, что обнаруживается в этом порядке или порядком чего он является. Смысловая стратегия внесения определенности, впервые разработанная Платоном, обнаруживает порядок как порядок идей, понимаемых как единство смысловых отношений, позволяющее модифицировать сущее в зависимости от того, какими отношениями мы обладаем, а также от того, как модифицировано то сущее, заботиться о котором – выполнять свое назначение – должны мы сами. В данной стратегии сущее оказывается тем, что подлежит постоянной модификации, меняет собственную определенность, является тем, что по определению может (и должно) стать предметом мысли. Концепт причастности требует перехода от одних смысловых отношений к другим, вплоть до идеи блага: «Познаваемые вещи не только могут познаваться лишь благодаря благу, но оно дает им *и бытие, и существование* (*курсив наш.* – И.М., Т.Ш.), хотя само благо не есть существование, оно – за пределами существования, превышая его достоинством и силой» [5, с. 291]. В этом отношении вещи, взятые из материи, понимаемой как «восприимница и как бы кормилица» [6, с. 49а], при переходе к другим смысловым отношениям, не связанным с чувственной данностью, словно возвращаются обратно, будучи готовы к тому, чтобы вновь открыть горизонт причастности. Однако движение от причастного к самой идее оказывается тем, что ограничено, во-первых, обладанием идеей (смысловым отношением), а во-вторых, реальностью данного смыслового отношения. Последнее ограничение известно под рубрикой тиражирования смысла, неизбежно ведущего к его (смысла) утрате и, соответственно, предполагающего возможность возвращения к утраченному. Череда возвращений, к которым призывают философы XX в., показывает, однако, что возвращение оказывается обретением смысла, но данное обретение не претендует на аутентичность, то есть не является реконструкцией. Возвращение столь же необходимо, сколь и невозможно.

Утрата смыслового отношения обнаруживает невозможность той модификации сущего, которая задана этим смысловым отношением, а значит, то сущее, в назначение которого входит забота о себе, то есть собственная модификация, также оказывается под вопросом: «Все определено своим делом, [или назначением], все поистине существует, если способно выполнять это свое дело» [7, кн. 4, гл. 12, с. 554]. В таком случае размытие смысловой определенности вновь возвращает нас к вопросу о том, что обнаруживается в порядке дифференцированной предметности, то есть предполагает альтернативную стратегию. В паре «модифицируемое – модифицирующее» акцент в отличие от стратегии внесения смысловой определенности ставится на модифицируемое, то есть вопрос ставится относительно того, каково оно само, что именно проявлено в данности. Именно эту стратегию можно назвать стратегией внесения собственной определенности в предметность.

Впервые разработанная Аристотелем стратегия внесения собственной определенности на вопрос о том, порядком чего является получаемый порядок предметности, предлагает хорошо известный ответ – порядком сущностей. Порядок сущностей конкретизирует именно модифицируемое: сущность, как известно, является носителем признаков, качеств и свойств вещи. Так, если переход от достоверности к предельному основанию через разработку теории идей мог быть зафиксирован в формуле «вопрос о бытии есть вопрос о сущем», то переход от смысловых отношений к отношениям собственной определенности предполагает знаменитое «вопрос о том, что такое сущее, – это вопрос о том, что такое сущность» [8, с. 188]. Сущее в таком случае модифицируется через указание на свою основочерту – изменчивость, где первым вопросом станет вопрос генезиса, являющегося основанием для имения дела с сущим, вторым – вопрос кинезиса, определяющего способ имения дела и устанавливающего границы определенности. При этом общим контекстом работы с сущим окажутся категориальные отношения: и позволяющие вносить определенность в сущее, и лежащие в основе формально-логических законов и отношений, и фундирующие классификацию движений.

В рамках стратегии внесения собственной определенности главной опасностью тогда является именно возможность утраты в процессе формализации контекста и ограничений тех процедур, которые позволяют работать с сущим. Утрата данного контекста чревата как неочевидностью применимости формально-логических процедур, на что указывали математики первой трети XX в., так и трудностями, связанными с забвением вопроса о бытии [9]. В свою очередь, конкретная предметность также оказывается ускользающей и требует возвращения к себе.

Проблемы, связанные со стратегиями внесения определенности, обнаруживают и еще одно измерение: во вторичной дифференциации предметности мы имеем дело с отдельными

вещами (res), фундирующими отношения между ними. В таком случае следующим шагом является переход от вторичной дифференции в рамках предельного основания к другим формам работы с предметностью, поскольку «...никак, никогда невозможно доказать, что существенное как пребывающее обязательно должно покоиться только и исключительно на том, что Платон мыслит как “идею”, Аристотель – как τὸ τί ἦν εἶναι (“то, чем всякая вещь заранее уже была”), метафизика – как essentia, сущность в ее разнообразнейших истолкованиях» [10, с. 235].

Ссылки:

1. Платон. Софист // Платон. Собрание сочинений : в 4 т. М., 1994. Т. 2.
2. Хайдеггер М. Кант и проблема метафизики. М., 1997.
3. Кант И. Логика // Кант И. Собрание сочинений : в 8 т. М., 1994. Т. 8.
4. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие. М., 1993.
5. Платон. Государство // Платон. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 3.
6. Платон. Тимей // Там же.
7. Аристотель. Метеорологика // Аристотель. Собрание сочинений : в 4 т. М., 1981. Т. 3.
8. Аристотель. Метафизика // Там же. М., 1976. Т. 1.
9. Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997.
10. Хайдеггер М. Вопрос о технике.

References:

1. Plato 1994, 'Sophist', in Plato, *Collected Works: 4 vols.*, Moscow, vol. 2.
2. Heidegger, M 1997a, *Kant and the problem of metaphysics*, Moscow.
3. Kant, I 1994, 'Logic', in Kant, I, *Works: 8 vols.*, Moscow, vol. 8.
4. Heidegger, M 1993, 'Question of technique', *Time and Being*, Moscow.
5. Plato 1994, 'State', in Plato, *Collected Works: 4 vols.*, Moscow, vol. 3.
6. Plato 1994, 'Timaeus', in Plato, *Collected Works: 4 vols.*, Moscow, vol. 3.
7. Aristotle 1981, 'Meteorologics', in Aristotle, *Collected Works: 4 vols.*, Moscow, vol. 3.
8. Aristotle 1976, 'Metaphysics', in Aristotle, *Collected Works: 4 vols.*, Moscow, vol. 1.
9. Heidegger, M 1997b, *Being and Time*, Moscow.
10. Heidegger, M 1993, 'Question of technique', *Time and Being*, Moscow.